

Мошник Ю. И.

**«КАК УЕТУ ОПЯТЬ ОТСЮДА НА СВОЮ РОДИНУ». РЕПАТРИАЦИЯ В СССР
ПЕРЕМЕЩЕННЫХ В ФИНЛЯндиЮ ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИННОВ
В 1944–1945 ГГ.**

**(ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ ПИСЕМ ИЗ СОБРАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО
ОБЛАСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В Г. ВЫБОРГЕ)**

Аннотация.Ценным и крайне редко используемым источником по истории переселения в Финляндию и последующей репатриации ингерманландских финнов Ленинградской области в годы Второй мировой войны являются документы эпистолярного характера. В собрании Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге (ЛОГАВ) отложилась коллекция частных писем, проливающих свет на социальные и бытовые условия жизни перемещенных в Финляндию ингерманландцев, их родственные и дружеские контакты, взаимодействие с органами власти и с финским населением, их настроения и реакции на события, происходившие на фронте и в международной политике. Это письма на русском и на финском языке, а также на ингерманландском диалекте. Большинство документов коллекции относятся к заключительному этапу Советско-финской войны 1941–1944 гг. и к периоду после заключения перемирия, когда стал обсуждаться вопрос о репатриации ингерманландцев в СССР. Важнейшая тема в письмах – тоска по родному дому и обсуждение с близкими проблемы возвращения. Документы красноречиво свидетельствуют о том, что многие ингерманландские переселенцы так и не смогли начать новую жизнь в Финляндии, считали ее чужой для себя страной, подчеркивали национальные различия с финнами, связь с русской культурой, мечтали вернуться в родные дома.

Ключевые слова: ингерманландские финны, репатриация, Финляндия, Советско-финская война 1941–1944 гг., эгодокументы, письма

Для цитирования: Мошник Ю. И. «Как уету опять отсюда на свою родину». Репатриация в СССР перемещенных в Финляндию ингерманландских финнов в 1944–1945 гг. (по материалам коллекции писем из собрания ленинградского областного государственного архива в г. Выборге)// Ученые записки НовГУ. 2023.6(51). 626-636. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).626-636

Осенью 1941 г. свыше 76 тысяч проживавших на территории Ленинградской области представителей финно-угорских народов (ингерманландских финнов, ижор и вожан) оказались в зоне немецкой оккупации [Мусаев, 2003, с. 294]. Уже в этот период как немецкое, так и финляндское политическое и военное руководство начало разрабатывать планы перемещения ингерманландцев из оккупированных вермахтом территорий в Финляндию, однако проект был признан слишком затратным и сложным в реализации. Вместо этого в 1942 г. ингерманландских финнов стали вывозить из прифронтовых районов, население которых находилось к тому времени на грани голодной смерти, в Эстонию.

Вопрос о переселении ингерманландцев в Финляндию вновь был поднят финской стороной осенью 1942 г., когда стало очевидно, что расчет на скорое падение Ленинграда не оправдался. Несмотря на сопряженные с реализацией этого проекта трудности, перемещение финноговорящего советского населения во внутреннюю Финляндию могло помочь правительству решить проблему трудовых ресурсов, в которых страна остро нуждалась. Эта мера была поддержана и финляндским обществом, которое усмотрело в ней заботу о соплеменных народах, поскольку переселение было объявлено «добровольным». У Германии имелись собственные

планы на освобожденные от коренного населения территории Ленинградской области, поэтому проект переселения ингерманландцев в Финляндию отвечал и немецким стратегическим интересам. К тому же Германия была заинтересована в укреплении дружеских связей с Финляндией [Прибалтийско-финские народы..., 2003, с. 482]. В конечном итоге в феврале 1943 г. германская сторона через Т. М. Кивимяки, финского посланника в Берлине, передала официальное одобрение переселенческой акции.

Перемещение ингерманландских финнов в Финляндию осуществлялось в два этапа в 1943–1944 гг. и затронуло свыше 63 тысяч человек, включая тех, кто ранее был вывезен или добровольно ушел в Эстонию и содержался в концентрационном лагере Клоога [Rautajoki, 2020, s. 29-37], тех, кого вывезли в Германию в качестве «остарбайтеров» и, наконец, тех, кто добровольно согласился уехать в Финляндию, прожив два года в зоне оккупации. Большую часть перемещенных лиц составляли женщины и дети. Из лагеря Клоога, где располагался центральный пункт сбора эвакуируемых, их вывозили в Финляндию через порт Палдиски (Балтийск) на судне «Аранда», проделавшем в общей сложности 155 рейсов [Шлыгина, 2009, с. 158]. Пройдя через приемочный лагерь и карантин, перемещенные ингерманландцы распределялись группами по разным районам страны, а также направлялись в оккупированную финскими войсками Карелию. Большинство из них было привлечено на сельскохозяйственные работы, на заводы, в частные хозяйства, а молодые мужчины были призваны в финские силы обороны. Обустройством ингерманландцев в стране (их учетом, размещением и трудоустройством, а также просветительской работой и медицинским обслуживанием) занималось Центральное бюро по делам перемещенного населения.

Ситуация изменилась после заключения в сентябре 1944 г. перемирия между СССР и Финляндией и отправки в Хельсинки сотрудников Союзной контрольной комиссии. Началась передача из Финляндии военнопленных, с которыми в СССР в октябре – ноябре 1944 г. прибыло около 1500 гражданских лиц [Земсков, 2016, с. 31-32]. Последних из проверочно-фильтрационных пунктов препровождали к намеченным для них местам проживания. Следом за этим началась акция по репатриации гражданского населения, перемещенного в Финляндию. Согласно постановлению ГКО № 6973 от 19 ноября 1944 г. «О переселении из Финляндии ранее проживавшего в Ленинградской области населения ингерманландского происхождения», на территории РСФСР планировалось разместить 12000 семей (около 50 тысяч человек), «в том числе в Ярославской области 5000 семей, Калининской 3000, Новгородской 2000, Псковской 1000 и Великолукской 1000 семей» [Поболь, Полян, 2005, с. 610-613]. Контроль за перемещением, которое планировалось провести с 5 декабря 1944 по 15 января 1945 г., был возложен на уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации советских граждан генерал-полковника Ф. И. Голикова.

Для работы в Финляндии была сформирована группа в количестве 28 офицеров под командованием полковника Н. А. Филатова [Большакова, 2008, с. 18]. Направленные в Хельсинки офицеры вели разъяснительную и агитационную работу с населением. Уже в первых числах декабря было получено 46327 заявлений о возвращении в СССР [Inkeriläisten..., 1944, s. 3]. Начиная с 5 декабря 1944 г. из расположенных в разных частях страны сборных пунктов стали отправляться эшелоны с людьми и грузами (включая принадлежавшую ингерманландцам домашнюю скотину). Первая группа составила 1500 человек [Laatokka, 1944, s. 4]. Каждый состав включал в себя несколько десятков вагонов.

Приемный пункт был устроен в Выборге. У прибывающих в Советский Союз репатриантов тщательным образом проверялись документы и любые бумаги, которые они везли с собой. Среди этих бумаг оказались письма, полученные от родственников, друзей и односельчан, которые также принадлежали к числу перемещенных в Финляндию ингерманландцев. Большое количество писем и документов, изъятых сотрудниками выборгского приемного пункта, впоследствии поступило в собрание Ленинградского областного архива в г. Выборге (ЛОГАВ).

Значительная часть переданных из приемного пункта документов была оформлена сотрудниками архива в фонд «Ингермандандского комитета» (ф. 507), образовав четыре объемных единицы хранения. К ним были отнесены, помимо писем, удостоверения личности, справки, заявления и иные личные документы репатриантов. Более тщательно отсортированные письма и подборки писем составили отдельную коллекцию (ф. 542), насчитывающую 84 единицы хранения. К сожалению, архивное изучение документов и их сортировка проводились недостаточно внимательно и спешно, поэтому письма, имевшие одного адресата, могли оказаться не только в разных делах, но и в разных фондах. Работу осложняло то обстоятельство, что большинство писем поступило без конвертов, кроме того, не везде сохранились имена адресантов и адресатов. Важно отметить, что оба фонда были ошибочно отнесены к числу т. н. «фондов досоветского периода», т. е. к тем коллекциям документов, которые были сформированы предшественником ЛОГАВ, финским Окружным архивом Выборга (ViipurinMaakuntaarkisto), и поступили в него до июня 1944 г., когда город был во второй раз завоеван войсками Красной армии. В силу этого письма (за редким исключением) не попали в сферу исследовательского внимания специалистов по истории Ингерманландии в годы Второй мировой войны. Между тем, они являются ценнейшим историческим источником, проливающим свет на социальные и бытовые условия жизни перемещенных в Финляндию ингерманландцев, их родственные и дружеские контакты, взаимодействие с органами власти и с финским населением, их настроения и реакции на события, происходившие на фронте и в международной политике. Тексты некоторых писем позволяют уточнить названия населенных пунктов, откуда авторы писем были вывезены в Финляндию: это деревни и поселки Гатчинского (Сквирицы, Большие Борницы, Погост), Кингисеппского (Урмзино, Прибой, Конново),

Всеволожского (Куйвози), Ораниенбаумского (Владимирово), Волосовского (Старые Бегуницы) районов Ленинградской области и др.

Важнейший сюжет в письмах – тоска по родному дому. Документы красноречиво свидетельствуют о том, что ингерманландские переселенцы так и не смогли начать новую жизнь в Финляндии и считали ее чужой для себя страной, настойчиво подчеркивая национальные различия с финнами. Письма помогают дать ответ на вопрос о причинах, по которым репатриация ингерманландцев стала столь массовой: между собой эти оторванные от родных мест люди могли честно говорить о трудных условиях жизни и о надежде на то, что возвращение позволит им снова почувствовать себя свободными.

Письма коллекции написаны на финском языке и на ингерманландском диалекте (*inkerinmurre*), а также на русском языке. Нередко в финноязычных текстах встречаются вкрапления русских слов, фраз, этикетных речевых форм, даже стихотворных строк, свидетельствующие о том, что многие жители этнически смешанных деревень и поселков были двуязычными. В подавляющем большинстве эпистолярные материалы представляют собой тексты, которые можно охарактеризовать как естественную письменную речь, индикаторами которой является несоблюдение грамматических норм, лексические повторы, отсутствие логической последовательности в изложении [Логунова, Мазитова, 2019, с. 51].

Русскоязычные тексты, как правило, указывают на сложности в освоении второго языка изначально финноговорящими людьми, приспособляющими письменную речь на русском языке к особенностям финского языка (например, оглушение согласных) и не справляющимися с падежным управлением. Более того, некоторые письма написаны людям, которые, в силу неграмотности, не могли прочесть послание без посторонней помощи. Это показывает, насколько важной для обеих сторон была сама возможность коммуникации. В период пребывания в лагерях для перемещенных лиц и в карантинах, после получения работы на заводе или в частном хозяйстве, ингерманландцы старались по возможности часто писать близким, чтобы поддерживать родственные и дружеские взаимоотношения – и связь с родными местами. Одна из корреспонденток, Мария Ефимова, трудившаяся на заводе под Турку, писала своим родственницам в Хяменлинну: «Паша я писала Феклы письмо... но жаль что она не умеет сама читать и писать ведь Паша только этим можно свою тоску разогнать...» [ЛОГАВ, б.д., ф. 542, оп. 1, д. 10, л. 4]. Она же просила в другом письме: «Паша и Феня и также Фекла не забывайте меня пишите писем тогда мне не так скучно хотя я понимаю что нет марок но все же соберите трое и пишите пока еще вы вместе... Теперь будет встречать 1-го мая если мы были бы на родине сколько было бы радости а теперь только один слезы да мечты» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 30, л. 29]. КатриБюркланд из лагеря для перемещенных лиц в Паймио обращалась к подруге Хилье Рокка в Ваяксю: «Хилья цвет, Хилья – роза, Хилья – розовый букет. Хилья не забыть тебя та я тебя не забываю. Может ешоакта в стредимся с тобой я писала етта

письмо даже слезы капали на груть так стала скучно тебе!...Хилья прости что так плоха написана сама знаешь что я в школы не ходила а по руски боялась так много писать твоя подруга Катя. <...> Здесь мало ингерманландцев. Плачу каждый день по дому. Хильяспомни меня не кокта не забыть...» [ЛОГАВ, б.д., ф. 542, оп. 1, д. 64, л. 7]. В письме, адресованном к двоюродной сестре Александре Пелконен тоска по близким и желание поделиться горем сливаются: «Привет с дремучий край... О милая сестра, ужели встречаться мы больше стобой не суждены. С получением вашего пиьма я очень осталась довольна и сразу же спешу написать ответ и сообщить о том что моя мама померла... Мы живем все по-старому. Еды хватает...» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 32, л. 5].

Большинство писем относятся к заключительному этапу Советско-финской войны 1941–1944 гг. и к периоду после заключения перемирия, когда стала обсуждаться возможность репатриации ингерманландцев в СССР. Еще до заключения перемирия ингерманландские переселенцы в Финляндии задумывались о своем будущем и о том, как сложится их судьба после окончания войны. «Живем одной надеждой, что скажет Москва. На днях там решится, если уже не решилось во многих отношениях, наше будущее! Будем надеяться что скоро господа-немцы будут выкурены отсюда! ... Со шведским языком ладится хорошо. Если бы пожить здесь года два то можно бы свободно говорить. Все хорошо, но не хорошо то, что мы не имеем ничего собственного: ни дома, ни скота и т. д., а имеем лишь 10-ти часовой тяжелый рабочий день, получая за него жалкие гроши, на которые ничего нельзя купить. Жизнь здесь много лучше чем была жизнь столяра в Погосте» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 30, л. 88], – пишет в сентябре 1944 г. Николай Карьялайнен подруге. Это настроение мучительной неопределенности сохраняется у многих ингерманландцев и после того, как подготовка к репатриации уже началась. Своими сомнениями Павел Бертов делится с племянником: «Предлагали нам всем ехать добровольно ехать на родину но мы все пакамысь отказались что будит все равно вданое время там хорошава ожидать ниприходится до всеобщеваевропейскава мира. И вот нисаветую и тебе низнаютваеволичнава мнения. Мы все будим ждять мира» [ЛОГАВ, б.д., ф. 542, оп. 1, д. 3, л. 1].

Тяжелее других пришлось тем, кто в Финляндии был разлучен с самыми близкими людьми и боялся, что возвращение на родину может обернуться для них вечной разлукой. Несколько финноязычных писем Анны Ахмонен, которая была угнана в Германию и оттуда весной 1943 г. вывезена в Финляндию, адресованы любимому человеку. Обращение – «Дорогой Павел» – Анна писала по-русски. 22 октября 1944 г. она сообщает, что слышала от знакомых новость о сотруднике Союзной контрольной комиссии, который родом был из ее родной деревни и две недели назад прибыл в Финляндию. Деревня сохранилась, и в ней даже остались старики, которых не вывезли. «Он говорит, если хотите поскорее уехать отсюда, пишите заявление» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 30, л. 10], – сообщает она. Ей очень

хочется уехать, но еще больше она боится потерять любимого человека. В написанном спустя два дня письме спокойный тон ей отказывает: «Ехать или не ехать? Сейчас это решающий вопрос моей жизни. Я не могу дать своего окончательного ответа. Пааво, любимый мой! Дай мне смелости решиться, там или здесь», – и дальше переходит на русский язык: «Финны скажут что вы не хотите ехать. Хотя теперь хорошо устроились, но это не постоянно, а потом будут каяться. Можете писать заявлению, чтоб увезли вас в первый очередь» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 30, л. 11 об].

Боязнь потерять близких была одной из важнейших причин, по которой ингерманландцы так активно подавали заявления на репатриацию. Если какой-то член семьи попадал в списки или был уже отправлен в пункт сбора пересыльных, остальные спешили также заявить о своем желании вернуться. Существенным фактором оказалось и то, что после объявления о начале репатриации финские хозяева стали массово отказывать ингерманландцам в работе, опасаясь, что советские военнослужащие смогут принять найм ингерманландцев за насильственное удерживание и создание помех репатриации. Письмо от Марии К. односельчанам свидетельствует о том, насколько действенными были обе причины: «Да, как вам уже Ларсовы писали о нашем Александре, то его действительно правда считали военнопленным, он небыл в Финской армии, он был 2 года у хозяина на работе, но а теперь... пленных по договору вызывают в “Руссланд” то его тоже вызвали в лагерь и теперь уже 3 недели как он находится в лагере где и другие пленные, и жду каждый день отправку. Но а больше мы ничего не знаем о нем. <...> Мы тоже записались на “Родину в Погост” и теперь ждем отправку, и думаем, что скоро будут отправлять. <...> Мы кого не видим ингерманцев и все одно и тоже говорят что отказынны от работы и ждут отправку... но это все какнибудь сойдет только скарейбы отправили домой в Погост. <...> Да, действительно, что наши ингерманцы все расселены по всей Финляндии и не скоро увидишь друг, друга, и не скажешь идим сегодня в Прибытково на танцы или же в “Поселок”. Но всеже желаем чтобы еще встретились, но уже не Финляндий, а в “России” и вместе сходили бы на танцы» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 30, л. 89].

Некоторым ингерманландцам посчастливилось устроиться на работу с фиксированной зарплатой и восьмичасовым рабочим днем, и они чувствовали себя в Финляндии более уверенно. Однако и такие относительно благополучные люди надеялись когда-то увидеть родные места: «Мы живем все постарому “хорошо”. Но! В скором будущем – ожидаем “лучшего”. Возможно это и на оборот, но всеже ждем нестерпением... Сегодня... уже записались ехать Инкерин» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 29, л. 2]. В чужих краях представления о покинутой родине составлялись в картину утраченного Эдема: «...нам очень хотелось бы вернуться домой, где может быть и сейчас находятся наши мужья, сестры, братья а нас нет, мы здесь скитаемся по чужбине рабствуем, кресный мама очень жалеет своих кресников, дома жили бы с отцом ненадо было бы работать вытягивать своих нежных рук, незнали бы никакой

печали ели пили гуляли, а теперь надо работать через силу... Мы работаем 8 часов в день остальной день свободный» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 29, л. 12–12 об].

Те, кто смог найти в Финляндии хорошее место и приспособиться к новым условиям жизни, уже не хотели возвращаться. Одна корреспондентка писала подруге: «Ида я сама не знаю, но мне как-то ни охото идти в Россию. Я уже привик ко всему здесь. Но охота бы видать что там натворится и что там есть как там в нашей деревню живут кто там есть вообще ни там ли Идачка. Ни знаю Идачка там ли хорошо жизнь ждет нас или здесь. Пиши как вы скоро уже уедите» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 29, л. 54–54 об].

Гораздо тяжелее было тем, кто работал в частном хозяйстве и полностью зависел от своего работодателя. Одна из таких ингерманландок жаловалась подруге: «После работы выхожу я одна на улицу, и смотришь во-все четыре стороны. А особенно в ту сторону где расположена любимая родина которую не могу позабыть ни на одну минуту, лишь только на то время когда уснешь на несколько часов. И вот тогда смотришь вечером как с одной стороны солнце спускается к закату и отпускает свои серебристые лучи, а с другой стороны встает луна, и вот стоишь среди двух кругов и любишься, и думаешь почему мы такие несчастные как кусок оторвано от сердца и брошено в чужую сторонушку где нас закалили в проклятое рабство. Катюша! Я уже со всех надежд отпала и больше ни на что не могу надеяться, и думаю что наверно я больше никогда не выберусь отсюда прочь и не встречу свой родных подруг с которыми могу поделить свой мнения... Жизнь моя в настоящее время протекает в тяжелых условиях работы очень много... Работаем по 17 – 18 часов в день и как лошади, но а хозяин еще все крепче орет и становиться все дурнее и дурнее. ... Меня хозяин не отпустил прочь, но я все же думаю... все уйдем на другое место так как тут не возможно больше жить» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 29, л. 55]. Другая корреспондентка старалась договориться с подругой о том, чтобы возвращаться в СССР вместе: «...я опять работаю во хлеве сетими проклятыми каровами. Пайми Мүся некогда даже писма на писать. Но скоро канецетой работы ты наверно знаешь что мы уежаем 26.12 сего года. Мүса напишиможет и вы вместе снами паедетье... возможно ишо встретимся» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 33, л. 15].

Нередко в письмах упоминаются сотрудники Союзной контрольной комиссии, у которых ингерманландцы старались узнать, возвратят ли их в родные места. Ответы они получали уклончивые, зато выслушивали разъяснения о «международном положении СССР», и это давало многим надежду. Вместе с тем, советские офицеры не настаивали на том, что репатриация обязательна, заявляя, что «укавариват не расрешоно». Некоторые послания свидетельствуют о том, что на советских военнослужащих ингерманландские переселенцы смотрели с восхищением. Так, Хелена Тервенен писала СойккиКемппи в начале ноября 1944 г.: «Сюда в Хямеенлинну в субботу прибыла русская контрольная комиссия, я видела их в субботу на вокзале. Какие красивые мужчины и какие у них красивые костюмы!» [ЛОГАВ, б.д., ф. 542, оп. 1, д. 19, л. 5 об]. В декабре, уже после отправки первых эшелонов, одна из

корреспонденток сообщала подруге: «Я слыхала, что всех будут вывозит русских отсюда русский унсер говорил, ой как хорошо было слушать про свой союз как там жизнь кипит но здесь, что здесь каждый день лает как собака хуже чем собака моя жизнь, а велит писать и говорить, что хорошо» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 29, л. 60 об].

Но чаще всего тексты писем этого периода свидетельствуют о том, что отъезда из Финляндии и возвращения в СССР ингерманландцы ждали с нетерпением и радостью: «ждем приказа, чтобы уехать из этой милой Финляндии», «... было бы хорошо оказаться в родных местах и со своими», «скорей на родину!», «...но я все же поеду в Россию хотя немного позже навсегда не останусь». О своих последних днях на чужбине Мальвина Ризова пишет Мише Вярнену: «Пишу письмо рука тресется, / Гляжу на время первый час, / А сердце бедное мне шепчет, / Последнее письмо для Вас здесь Финляндии!!! Миша это мое письмо последнее здесь в Финляндии. Мы 26 декабря уже уедем так что я больше ни от кого не получу письма. Я очень печальная что я опять одна попала как из дому увезли так я одна из наших девчат. Все другие остались дома. Но это ничего, потом буду Вас встречать. Или не знаю, может Вы позже приедете чем мы, а раньше нас дома будете. Так потом будете Вы встречать нас. <...> Мы работаем у хозяина...а как хозяин даст немного собой хлеб на дорогу так не даст за месяц денег. Работаем бесплатно. Знаешь ты сам что бохачи о нас бедных несколько не жалеют. Они и за копейку плачут. <...> Но пока досвиданья, можно сказать siisnäkemiin» [ЛОГАВ, б.д., ф. 507, оп. 1, д. 30, л. 24 об]. В этот же период Катя Мюллари пишет своей тете Сохви по-фински: «У нас большая радость. Мне сообщили, что относительно нас уже есть распоряжение отправить нас назад на нашу старую родину, в Инкери. Это будет 6 января 45-го года» [ЛОГАВ, б.д., ф. 542, оп. 1, д. 9, л. 1]. В прощальном письме Анны Кемппинен говорится: «Нина мы уже скоро уедем как это хорошо. Эта я уж знаю что последняя письмо но я открытку пошлю еще... когда будем в Куопио...Но я теперь такая веселая как уеду отсюда опять на свою родину путем жить как и жили... Но все же лучше не так как здесь надо работать прислугой так надо было жить целый год ничего хорошего не витела жили как в плену как старые старухи не видели молодых ребят но так было скучно жить...» [ЛОГАВ, б.д., ф. 542, оп. 1, д. 21, л. 5]. Уже упоминавшаяся Мария Ефимова надеялась на скорую встречу с сестрой: «Паша вы пишете что скоро поедим на родину но мне что то неверится. Неужели Паша мы настолько счастливые что еще побудем в своем родном селе и еще откроем свои двери. Паша поверь что мне так скучно что каждую минуту мне перед глазами видится наша родимая деревня это лишь потому что где мы находимся больше нет ничего кроме большие каменные горы и огромное большое море и потому нет некого родных близ меня... Дорогая Паша встретимся на родине так все подробно поговорим» [ЛОГАВ, б.д., ф. 542, оп. 1, д. 10, л. 6].

Встретиться и вновь оказаться в родных домах репатриантам так и не довелось. В общей сложности из Финляндии вернулось 55942 ингерманландских переселенца [Земсков, 2016, с. 312]. Все они целыми эшелонами направлялись к новым местам

проживания, определенным постановлением ГКО № 6973 от 19 ноября 1944 г. О том, что для них возвращение в родные села и деревни запрещено, многие узнали уже в дороге, после того, как пересекли границу. Без сомнения, этот новый опыт лишения свободы выбора, крепко отпечатался в их памяти. В позднейших интервью причиной массового возвращения в СССР на рубеже 1944–1945 гг. ингерманландцы чаще всего называли страх. Они боялись, что если не согласятся на репатриацию добровольно, то будут вывезены насильно [Флинк, 2015, с. 349]. Однако изучение эпистолярных источников вносит коррективы в эти позднейшие свидетельства. Страх, конечно, был, но и желание вернуться на родину было искренним и очень массовым. Однако мечта «открыть свои двери» для вернувшихся ингерманландцев так и осталась неосуществимой.

Литература

- Большакова Г. И. (2008). Начальный период массовой репатриации гражданского населения и военнопленных из Финляндии (1944–1946 гг.). *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 3, 18.
- Земсков В. Н. (2016). *Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг.* Москва, Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 31–32, 312.
- Клементьев Е. И., Шлыгина Н. В. (ред.) (2003). *Прибалтийско-финские народы России*. Москва, Наука, 482.
- ЛОГАН (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 507. Оп. 1. Д. 29.
- ЛОГАН (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 507. Оп. 1. Д. 30.
- ЛОГАН (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 507. Оп. 1. Д. 32.
- ЛОГАН (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 507. Оп. 1. Д. 33.
- ЛОГАН (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 542. Оп. 1. Д. 3.
- ЛОГАН (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 542. Оп. 1. Д. 9.
- ЛОГАН (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 542. Оп. 1. Д. 10.
- ЛОГАН (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 542. Оп. 1. Д. 19.
- ЛОГАН (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 542. Оп. 1. Д. 21.
- ЛОГАН (б.д.). Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 542. Оп. 1. Д. 64.
- Логанова Н. В., Мазитова Л. Л. (2019). Изучение писем фронтовиков с позиций лингвистической персонологии. *TheScientificHeritage*, 39, 50–58.
- Мусаев В. И. (2003). *Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX века*. Санкт-Петербург, Нестор-История, 294.
- Поболь Н. Л., Полян П. М. (сост.). (2005). *Сталинские депортации 1928–1953*. Москва: МФД; Материк, 610–613.
- Флинк Т. (2015). Домой в ссылку. *Русский сборник. Исследования по истории России*. Москва, Модест Колеров, 349.
- Шлыгина Н. В. (2009). Рец. на: Inkeriläisiä siirtämässä. Jussi ja Liisa Tenkku päiväkirjat 1943–1944 [Эвакуируя ингерманландцев: дневники Юсси и Лиисы Тенкку 1943–1944] / Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 1511, Tieto. Jyväskylä, 2008. 290 s. *Этнографическое обозрение*, 5, 158.
- Inkeriläisten kotiuttaminen (1944). *Laatokka*, 273, 3.
- Laatokka* (1944). 275, 4.
- Rautajoki R. (2020). *Vaiettu vaellus. Inkeriläisten leirit 1942–1944*. Turku, Siirtolaisuus-Instituutti, 29–37.

References

- Bol'shakova G. I. (2008). Nachal'nyj period massovoj repatriacii grazhdanskogo naseleniya i voennoplennykh iz Finlyandii (1944–1946 gg.) [Initial period of mass repatriation of civilians and prisoners of war from Finland (1944–1946)]. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 3, 18.
- Flink T. (2015). Domoj v ssylku [Back home to exile]. *Russkij sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii* [Research on the history of Russia]. Moscow, 349.
- Klement'ev E. I., Shlygina N. V. (eds.). (2003) *Pribaltijsko-finskie narody Rossii* [Baltic-Finnish peoples of Russia]. Moscow, 482.
- Laatokka (1944). 275, 4.
- Inkeriläistenkotiuttaminen (1944). *Laatokka*, 273, 3.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 507. Inv. 1. File 29.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 507. Inv. 1. File 30.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 507. Inv. 1. File 32.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 507. Inv. 1. File 33.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 542. Inv. 1. File 3.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 542. Inv. 1. File 9.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 542. Inv. 1. File 10.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 542. Inv. 1. File 19.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 542. Inv. 1. File 21.
- LOGAV (n.d.). *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arkhiv v g. Vy`borge* [Leningrad Region State Archives in Vyborg]. F. 542. Inv. 1. File 64.
- Logunova N. V., Mazitova L. L. (2019). Izuchenie pisem frontovikov s pozicijlingvisticheskoj personologii [The study of the letters of the combatants from the standpoint of linguistic personology]. *The scientific Heritage*, 39, 50–58.
- Musaev V. I. (2003). *Politicheskaya istoriya Ingermanlandii v konce XIX – XX veke* [Political history of Ingria at the end of the 19th – 20th centuries]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 294.
- Pobol' N. L., Poljan P. M. (eds.). (2005) *Stalinskie deportacii 1928–1953* [Stalin's deportations in 1928–1953]. Moscow, 610–613.
- Rautajoki R. (2020). *Vaiettuvaellus. Inkeriläistenleirit 1942–1944*. Turku, Siirtolaisuus-Institiitti, 29–37.
- Shlygina N. V. (2008). Review of: Inkeriläisiäsiirtämässä. Jussi ja Liisa Tenkku päiväkirjat 1943–1944 [Evacuating the Ingrians: the diaries of Jussi and Liisa Tenkku in 1943–1944]. *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 1511, Tieto. Jyväskylä*, 2008, 290. *Ethnographic Review*, 5, 158.
- Zemskov V. N. (2016). *Vozvrashchenie sovetskikh peremeshchennykh lic v SSSR. 1944–1952 gg.* [Return of Soviet displaced persons to the USSR. 1944–1952] Moscow, Institute of Russian History RAS; Center for Humanitarian Initiatives, 31–32, 312.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 08.09.2023.
Принята к публикации 11.11.2023.

Об авторе

Мошник Юлия Игоревна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; ученый секретарь Выборгского объединенного музея-заповедника; ORCID: 0009-0009-3068-9682; Julia.moshnik@gmail.com

MoshnikYu. I.

“WHEN I LEAVE HERE AGAIN FOR MY HOMELAND”. REPATRIATION OF INGRIAN FINNS DISPLACED TO FINLAND TO USSR IN 1944–1945 (BASED ON COLLECTION OF LETTERS FROM LENINGRAD REGION STATE ARCHIVE IN VYBORG)

Abstract. A valuable material for studying the history of resettlement in Finland and the subsequent repatriation of the Ingrian Finns during the Second World War is provided by sources of personal origin. In the collection of the Leningrad Region State Archive in Vyborg, there is a collection of letters shedding light on the social and living conditions of the displaced Ingrians, their families and friendships, interaction with the authorities and the Finnish people, their moods and reactions to the events taking place at the front and in international politics. These are letters in Russian and in Finnish, as well as in the Ingrian dialect. Most of the documents in the collection refer to the final stage of the Soviet-Finnish war of 1941–1944 and to the period after the conclusion of the armistice, when the possibility of repatriating the Ingrians to the USSR began to be discussed. The most important theme in the letters is homesickness and discussions with relatives of the problem of returning. The documents eloquently testify that many Ingrian settlers were never able to start a new life in Finland, considered it a foreign country for themselves, persistently emphasized national differences with the Finns, connection with Russian culture, and dreamed of returning home.

Keywords: Ingrians, repatriation, Finland, Soviet-Finnish war of 1941–1944, personal documents, letters

For citation: Moshnik Yu. I. “When I leave here again for my homeland”. Repatriation of Ingrian Finns displaced to Finland to USSR in 1944–1945 (Based on collection of letters from Leningrad Region State Archive in Vyborg). *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 626-636. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).626-636